

Анастасия Булава

студентка IV курса факультета Гуманитарных Технологий
университета Высшая Антропологическая Школа

**СЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
РАННЕСЛАВЯНСКОГО ЖИЛИЩА
И ЕГО МИФОЛОГИЧЕСКИЕ «ОБИТАТЕЛИ»
(к проблеме реконструкции)**

Bulava A. Semiotic Analysis of Slavic Medieval Dwelling and Its Mythical Inhabitants.

The author attempts to prove the idea that Slavic medieval dwellings were highly semiotic, the idea that does not find a unanimous support among the scholars.

While some information can be found in written sources, for example in Procopius and Pseudo-Maurice's works, accounts of early Slavic dwellings are scarce and abrupt. Although more information can be found in archaeological research, the archaeologists seem to be more focused on some specific construction details of early-medieval Slavic dwellings and usually avoid any semiotic interpretation.

So this paper is the first attempt of a semiotic study of a medieval Slavic dwelling, trying to prove that existence of an entry and a hearth is not a coincidence and can answer a lot of questions about comprehension of a living space, interior design and relation between the "inner" and "outer" world, the meaning attributed to dwelling and many other questions.

Целью данной работы является, во-первых, рассмотрение проблемы интерпретации элементов конструкции и интерьера раннесредневекового славянского жилища с точки зрения семиотики — науки о любых объектах, несущих какой-либо смысл, значение, информацию; об объектах, которые служат динамическим целям коммуникации, передачи информации. Во-вторых, мы попытаемся реконструировать комплекс персонажей низшей языческой демонологии, связанный с раннесредневековым славянским жилищем и характерный для мифологических воззрений славян в дохристианский период. Нам не удастся избежать использования ретроспективного метода, т.е. в данном случае «переноса» семиотических особенностей этнографического жилища на более ранний период, так как только в отношении этнографического жилища мы располагаем некоторой информацией, в отличие от раннесредневекового жилища, которое раньше по этой причине и не подвергалось семиотическому анализу. В ходе ра-

боты будут все же предприняты не просто ретроспективный «перенос», а попытка реконструкции семиотического пространства на основе по возможности корректного проведения аналогий и параллелей с этнографическим жилищем.

Приступая к работе, необходимо оговорить используемые нами вышеупомянутые понятия. Под этнографическим или традиционным славянским жилищем в данной статье будут пониматься восточнославянские наземные типы жилищ, зафиксированные исследованиями этнографов XIX-XX вв. Под раннесредневековым славянским жилищем — жилища, углубленные в землю, распространённые у славян Восточной Европы в период VI-XII веков и известные по археологическим исследованиям.

В историографии накоплен большой материал о конструктивных особенностях раннесредневекового славянского жилища. Но нередко, когда возникают трудности при определении функции того или иного элемента интерьера, исследователь, не изучающий объект с

точки зрения семиотики, подчас априори причисляет его к сакральному, без реконструкции, без объяснения его смысла.

Сложность состоит и в том, что археолог, как правило, имеет дело лишь с сохранившимися в земле остатками котлована и элементов конструкции жилища. В этом случае, игнорирование семиотических аспектов может привести к тому, что будут упущены и важные признаки, связанные с конструктивными особенностями.

Семиотический анализ традиционного этнографического жилища, проведенный А.К. Байбуриным, показывает, что основные конструктивные элементы жилища несут

специфическую семантическую нагрузку и обладают высоким семиотическим статусом, как например, вход и отопительные сооружения (Байбурин 1983: 36-56). Средневековое славянское полуземляночного типа жилище с точки зрения семиотики в историографии до сих пор, насколько нам известно, не рассматривалось. Но расположение, конструкция входа и отопительного устройства, так же как и основные особенности конструкции жилища в целом не случайны, и вполне могут объяснить многие вопросы, связанные с осмыслением жилого пространства, ориентировкой внутри него и связью с внешним миром. Попробуем это показать.

Семиотическое пространство раннесредневекового жилища

Определение будущего жилого пространства начиналось с рытья котлована. Это своего рода маркер будущих стен жилища. Если обратиться за аналогией к этнографическому жилищу, то рытье котлована сопоставимо с укладкой первого венца, из которого вырастает весь дом (Байбурин 1983: 48). Но его возведение сопровождалось жертвоприношением. Возможно, что и рытье котлована проходило при совершении каких-то ритуалов.

Вероятным свидетельством этому может являться наличие зольных ям в полу котлована (Тельнов 2001: 199), вероятно связанных с обрядами жертвоприношения и идеологическими представлениями - культа огня и семейного очага. Последнее может говорить о роли этих ямок как своего рода своеобразных хранилищ, семейных ценностей, в том числе и нематериального характера, что в свою очередь предполагает и связь с миром предков. В некоторых ямках найдены остатки предметов быта.

Найденные археологами в полу в центре котлована ямки, как правило, интерпретируются как конструктивный элемент центрального опорного столба. Но последний вполне мог выполнять и сакральную функцию, например, роль «мирового древа». Это маркер центра жилища, где, возможно, и происходили все обряды жертвоприношения.

Возведение в уже выкопанном котловане стен полуземлянки предполагало дальнейшее установление границ с миром неосвоенным.

В традиционном жилище окна и двери считались подобными глазам и ушам. Им приписывалось большое семиотическое значение. Через них осуществлялась связь с внешним чужим миром (Мазалова 1999: 103-107). Но в стенах раннесредневековых полуземлянок не было окон. Их роль выпол-

нял вход. Поэтому роль двери в них еще более высока.

Поскольку вход в средневековой землянке — единственный канал связи с внешним миром, а стены, как правило, представляют собой деревянные конструкции, вполне объясняется частое сравнение жилища с гробом, известное по данным этнографии. Возможно, эта традиция идет именно с этого периода. («Гроб — дверь, все люди входят в нее» — надпись на молдавском надгробии — Степи Евразии 1982: 211). Ассоциирование двери с гробом предполагает сама по себе связь с миром мертвых. Вполне возможно, что вход или его конструктивные элементы играли определенную роль в похоронных обрядах, как окна этнографического жилища в более поздний период.

Отсутствие в раннесредневековых жилищах славян окон и соответственно двойной семиотический статус входа предполагает и повышенный статус женщины (дверь, как и дом в целом, ассоциировались с женским началом (Мазалова 1999: 106), а, следовательно, дает основания причислять место у входа к женскому пространству.

Вполне возможно, что именно здесь, в близости от входа могла находиться и скриня-сундучок — единственная неприкосновенная ни для кого, кроме женщин, вещь. Здесь хранились ценные предметы, наделенные определенной значимостью. Передавались они только по наследству, но сама скриня всегда оставалась в доме. Кроме того, скриню считали обиталищем предков. В более поздний период уже в наземном доме она перемещается к стене против окон (Богомазова 1999: 53-58).

Интересным с точки зрения семиотики является и земляное перекрытие крыши.

Славянские жилища XIX в., построенные, образно говоря, на голове лошади (то есть присутствовал ритуал жертвоприношений конской головы), её образом и заканчивались. Таким образом, конек на крыше символизирует как начало жизни и придание ей нового смысла, так и конец — смерть, связь с миром мертвых (Байбурин 1983: 49). В нашем случае, полуземлянка, построенная в земле, ею и заканчивается. Земля связывается, как правило, и с культом плодородия. В начале возведения жилища она символизирует начало нового. Но земля имеет отношение и к миру мертвых, то есть посыпание крыши в данном случае, возможно, символизирует очередной переход в новое состояние.

Особое место в славянском жилище отводилось печи. В более ранних жилищах (VI–VII вв.) печь занимала основную часть помещения (Рафалович 1972: 64) и в них не прослеживается выделения второго центра — красного угла. К XII в. конструкция изменяется, и красный угол «занимает место» печи (Рабинович 1975: 168). Здесь происходят все главные события, и это место наделяется признаком святости.

В период, когда печь занимала большую часть жилого пространства, и красный угол не прослеживался, можно говорить о значительной роли женщины — как о хранительнице очага. В это же время нельзя предполагать наличие в жилом пространстве двух половин — мужской и женской. Печь служит источником тепла, местом для приготовления пищи и местом для сна. Почитание огня позволяет предполагать, что, как и в более позднее время, печь используют для лечения от разного рода болезней, так как огню приписывались очистительные свойства (Щепанская 1999: 162). Само устройство полуземлянки с печью-каменкой позволяло использовать ее и в роли бани.

Земляные выступы вдоль стен котлована раннесредневековой полуземлянки могли выполнять роль лавок или полатей, которые

известны по этнографическому жилищу, а, следовательно, и нести в себе определенную семантическую нагрузку последних. Они считались предметами, соединяющими «периферию» и «центр». Особым статусом, вероятно, обладали выступы у двери, которые могли служить прототипом так называемой «нищей лавки». Она получила такое название в связи с тем, что на нее позволялось садиться любому без разрешения хозяев. Таким образом, она выполняла некую роль границы между внешним и внутренним пространством дома (Байбурин 1983: 52).

Кроме того, земляные выступы могли нести функцию стола. В этом случае их семантическая нагрузка была иной¹. Однако подобное предположение представляется не достаточно правдоподобным, так как в таком случае не остается места в жилом пространстве для «умершей души», которая, по представлениям восточных славян, обитала, как правило, под столом. Вполне возможно, что при наличии в сознании народа веры в существование ходячих покойников и особых представлений о душе, стола в средневековом жилище вообще не было. Люди могли есть сидя, либо стоя, но при этом место трапезы проходило именно в красном углу — алтарной части дома, где связь с умершим можно было непринужденно поддерживать. Кроме того, это позволяет говорить и о появлении еще одного места в полуземляночном жилище, наделенном признаком святости. Первым таким местом мы называем дверь, так как, приравнивая ее к статусу окна, место под которым ассоциируется со святостью, можно говорить о ее большой роли в религиозных представлениях (Байбурин 1983: 141; Щепанская 1999: 149; Зеленин 1991: 357). Место в красном углу и у двери можно рассматривать как еще одну диагональ в жилище, которая могла регулировать процесс ориентировки в пространстве².

Теперь попытаемся реконструировать и комплекс «нечистых духов», которые определяют поведение людей и их ориентацию в мире.

«Нечистые обитатели» и их место в жилом пространстве

Функции и сферы влияния, которые занимали образы демонологии, можно определить исходя из учета той социальной структуры, которая была характерна для славян исследуемого периода. При этом мы осознаем, насколько дискуссионной является в историографии проблема изучения раннеславянской общины и форм семьи. И все же, обобщая наработки этнографов и археоло-

гов по этому поводу, можно сказать, что в период с VI по XII вв. низовой территории

¹ Особое отношение к столу связано с особенностями его семантики. Согласно представлениям славян, стол в доме сравним с престолом, алтарем в церкви. Именно поэтому, красный угол часто назывался алтарной частью дома. Это, в свою очередь, влияло на поведение человека, то есть, оно было аналогичным церковному.

² Первой диагональю является дверь — печь. Ее наличие объясняется отсутствием в более ранний период красного угла и большой ролью печи в жилом пространстве.

ально-административной единицей в славянском обществе являлась большесемейная община. Она была самостоятельной и самодостаточной ячейкой общества, представляющей социально-экономический союз родственных патриархальных семей. Этот союз обладал общей собственностью на землю и общими формами материального производства, имел общее управление, единые обычаи и верования. Каждая патриархальная семья, как составная часть общины, имела свою коллективную усадьбу с общей площадкой-двором. Постепенно и видимо, чем позднее тем интенсивнее шел процесс выделения из патриархальных семей малых семей, что привело к возникновению индивидуальных хозяйств. Это нашло свое отражение и в пересмотре ролей, которые отводились главам семьи (Тимошук 1983 : 28; Этнография 1982 : 219-222; Славяне Юго-Восточной Европы 1990 : 422; Социально-экономическая и соционормативная культура 1986: 38).

Можем предположить, что те же процессы привели к «параллельным» изменениям и в сфере власти и места локализации «нечистых обитателей».

Для традиционного жилища этнографы выделяют три таксономических уровня: 1) постройки; 2) помещения в постройках; 3) предметы обстановки в помещении. В соответствии с этим духи также подразделяются на три группы: образы демонологии, названия которых образованы от имеющихся построек; образы, возникшие от предметов обстановки в помещениях; духи чьи названия можно связать с помещениями в постройках (Ушаков 1999: 125). Попробуем на основе этой структуры выстроить схему, которая позволит судить о наличии того или иного образа демонологии, а потом объяснить, почему нам кажется правомерной попытка их выделить.

Упомянутая ранее динамика изменений в социальной организации показывает, что предположительно можно выделить два «условных комплекса» расселения духов: относительно ранний и относительно поздний. Ранний комплекс будет соответствовать большесемейной общине, а поздний — малой семье с индивидуальным двором. При сопоставлении этих комплексов можно заметить: помимо изменений в разделении сфер влияния идет и процесс выделения новых образов, что обусловлено изменениями в планировке жилого комплекса. Приведем таблицы, в которых представлены основные по характеру обитания духи и образы, выделен-

ные с учетом знаковости вещей. Курсивом выделены реконструированные образы, не известные по данным наблюдений этнографии (Табл. 1,2,3). Отметим, что названия нами даны, конечно же, условно: важно, не то как в народных представлениях они могли называться, а их роли, функции и места обитания.

Проблема локализации или соотношения духов в пространстве представляется наиболее трудной. Сама характеристика духов, определения их места обитания и функции довольно размыты и противоречивы в мифологических представлениях. Но необходимость определить место каждого духа на иерархической лестнице является очевидной, так как, не учитывая этого, мы не сможем показать распределение сфер влияния каждого из них (Рис. 1).

Особый интерес здесь представляют два образа: дух земли и зольный дед. Дух земли является символом кровнородственных связей, которые отражали структуру существующей социальной организации.

Зольный дед, а вернее, производный от него женский образ — зольница, будет занимать место на втором уровне первой ступени. При этом домовый будет являться лишь одним из воплощений этого образа. В управлении этих духов находятся и общинный центр, и дом, а значит, и управляют они всем, что принадлежит общине. Они находятся в подчинении духу земли.

Третий уровень первой ступени отводится духу входа — «стражнику» жилого пространства и покровителю женщин.

Вторую ступень лестницы разделяют печая и дух очага. Они играли большую роль в жизни, как отдельной семьи, так и общины в целом. На них «стоял» дом, они являлись источником света, тепла и благополучия. Их почитали, о чем свидетельствуют жертвоприношения огню.

Третью ступень занимает погребник и скрынная бабушка. Их объединяет «хранительная» функция в разных пространствах.

На последней ступени находятся остальные персонажи. Среди этих образов прослеживается четкое разделение функций каждого, а также сфера их влияния.

Для раннего комплекса (Рис. 2) можно выделить две группы среди указанных образов: домашние и духи «общинного центра». При этом большинство духов сосредоточено, как ни странно, в доме, откуда они и осуществляют свое «управление». То есть управление идет из женской сферы. Это является непосредственным подтверждением того, что

Табл. 1. Название духов, связанных с ранним комплексом – большесемейной общиной.

Образы демонологии с названиями, образованными от названий	мужские	Женские			
		параллели мужских образов	пары - мужской и женский образы	самостоятельные женские образы	члены семьи мужских образов, без названий
1) построек	домовой	домовиха	домовой и домовиха	–	домовой, его дети и жена
	дворовой	–	–	–	–
	погребник	-	-	–	–
	дед хранилец	хранилица	дед хранилец и хранилица	–	–
	дух ремесла				
2) помещений в постройках		–	горница	–	
	ямный дед	–	–	–	–
3) предметов обстановки в помещениях	печник	печая	–	-	–
	подпечник				
	банник	–	–	–	–

Табл. 2. Название духов, связанных с поздним комплексом – малой семьей.

Образы демонологии с названиями, образованными от названий	мужские	Женские			
		параллели мужских образов	пары - мужской и женский образы	самостоятельные женские образы	члены семьи мужских образов, без названий
1) построек	домовой	домовиха	домовой и домовиха	–	домовой, его дети и жена
	дворовой	–	–	–	–
	погребник	–	–	–	–
	дед хранилец	–	–	–	–
	дух хозяйственных построек	–	–	–	–
	банник	-			
2) помещений в постройках		–	горница	–	
	ямный дед	–	–	–	–
3) предметов обстановки в помещениях	печник	печая	–		–
	подпечник	–	–	–	–
		–	–	жареница	–

Табл. 3. Дополнительные образы, связанные со знаковостью вещей.

Образы демонологии с названиями, образованными от названий	Мужские	параллели мужских образов	самостоятельные женские образы
помещений в постройках	дух очага	–	–
предметов обстановки в помещениях	зольный дед	зольница	–
	кутный дед	-	–
	лавочник	–	–
	–	–	вьюшка
предметов с высоким семиотическим статусом	дух входа		–
	–	–	скрынная бабушка

роль женщин в жизни общины довольно высока: в доме она является «формальной властительницей», на общем дворе — «неформальным домашином», играющим немалую роль в жизни всей общины. Интересно то, что область распространения духов «общинного центра» не включает в себя дом. Они сосредоточены вне непосредственного жилого пространства. Возможно, что только домовый мог проникнуть в дом, но насколько сильным было его влияние в «чужом женском» пространстве, однозначно нельзя сказать. Вполне возможно, что его проникновение в дом могло происходить только с «разрешения» духа входа, а, следовательно, и рассматривать этот «разрыв» границ можно как нежелательный или даже запретный.

Представители домашних духов встречаются и в хозяйственных постройках. Дух очага и зольный дед разделяют территорию обитания, как в доме, так и в общинном центре. Поэтому основной областью концентрации нечистой силы будет общинный центр, где происходила вся жизнь общины, располагались все хозяйственные сооружения, совершались ритуалы.

Таким образом, вполне реально предполагать, что для раннего комплекса нельзя выделить мужскую точку в жилом пространстве. Диагонали печь-дверь, печь-скрыня — женские, а, следовательно, и места мужскому влиянию в пределах сферы домашицы не остается.

Для позднего комплекса (Рис. 3) прослеживается более сложная система обитания духов. Процесс выделения малой семьи, конечно же, происходил постепенно. Этим и осложняется определение сфер влияния духов.

В жилом пространстве появляется новая точка — красный угол. Это, в свою очередь, наверняка привело к перестановке мест обитания духов, к появлению новых образов и к переделу сфер влияния.

Итак, индивидуальный двор отделяется от общинного центра. Дед-хранилец и дух очага перемещаются во двор, становятся полновластными хозяевами «хозяйственного имущества» семьи. Домовой, который прежде не мог вмешиваться в управление домом, теперь

является здесь одним из главных. При этом сфера его влияния распространяется не только на весь дом, но и на двор.

Дух очага и зольный дед не меняют места своего обитания, но сфера их влияния расширяется. Они становятся своего рода связующим звеном, соединяющим малую семью с уходящей в прошлое системой родственных связей. Кроме того, в их сферу влияния так же входит и новая точка жилого пространства — красный угол.

В этом комплексе среди образов выделяются две группы духов: домашние и духи хозяйственных построек. Интересно то, что область распространения последних не включает в себя дом. Они сосредоточены во дворе. Представители же домашних духов встречаются и в хозяйственных постройках. Дух очага и домовый разделяют территорию обитания, как в доме, так и во дворе, где им помогает дед-хранилец. Таким образом, двор остается главным местом концентрации нечистой силы.

В доме выделяется две точки концентрации «нечистых обитателей». Первая — у стенки, где стоял сундучок-скрыня, и вторая — красный угол. Это объясняется появлением в доме мужской и женской половины, в которых и сконцентрирована вся нечистая сила (красный угол — почетное место в доме). Это объясняется тем, что усиливается роль мужчин в управлении семьей.

Таким образом, все усилия духов направлены теперь не только на то, чтобы помогать работе в общинном центре или во дворе, но и на то, чтобы наладить порядок непосредственно в доме.

Можно предположить, что именно так и представлял себе человек свой окружающий мир. Конечно, предложенная реконструкция — только первый пробный шаг к исследованию представлений о мифологических обитателях раннеславянского средневекового славянского жилища. Перспективность подобного подхода видится в возможности выявить стратиграфию образов низшей демонологии в представлении славян, а попытки реконструкции семиотического пространства открывают новые пути к исследованию конструктивных особенностей раннеславянского жилища.

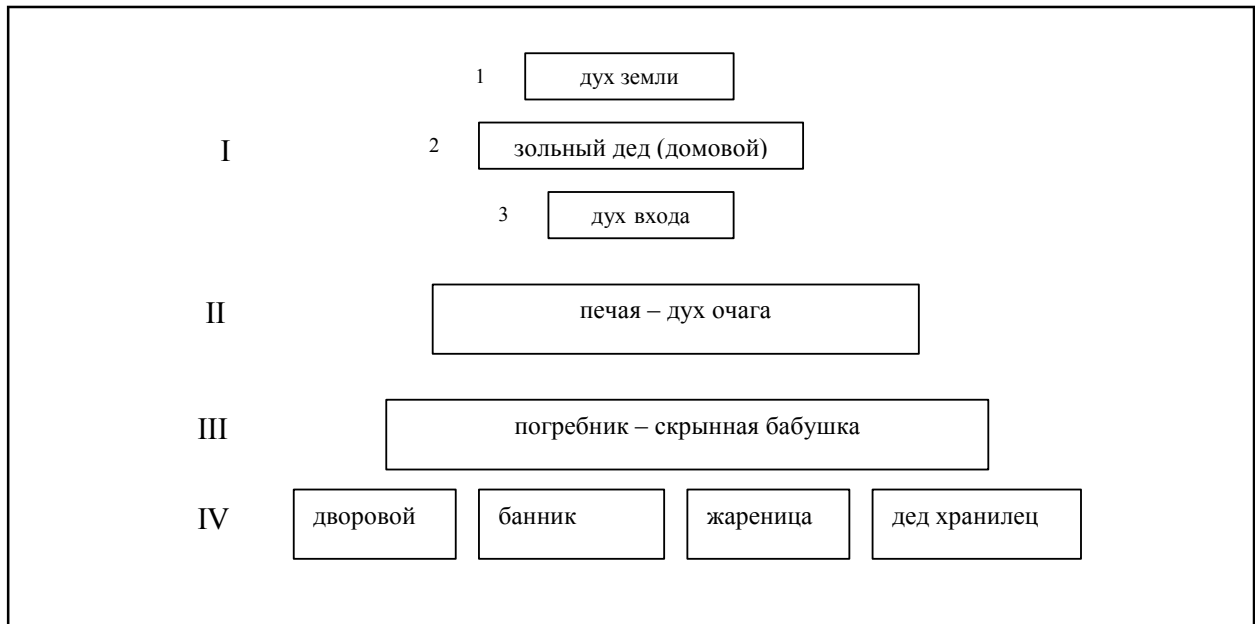

Рис. 1. Иерархическая лестница образов демонологии.

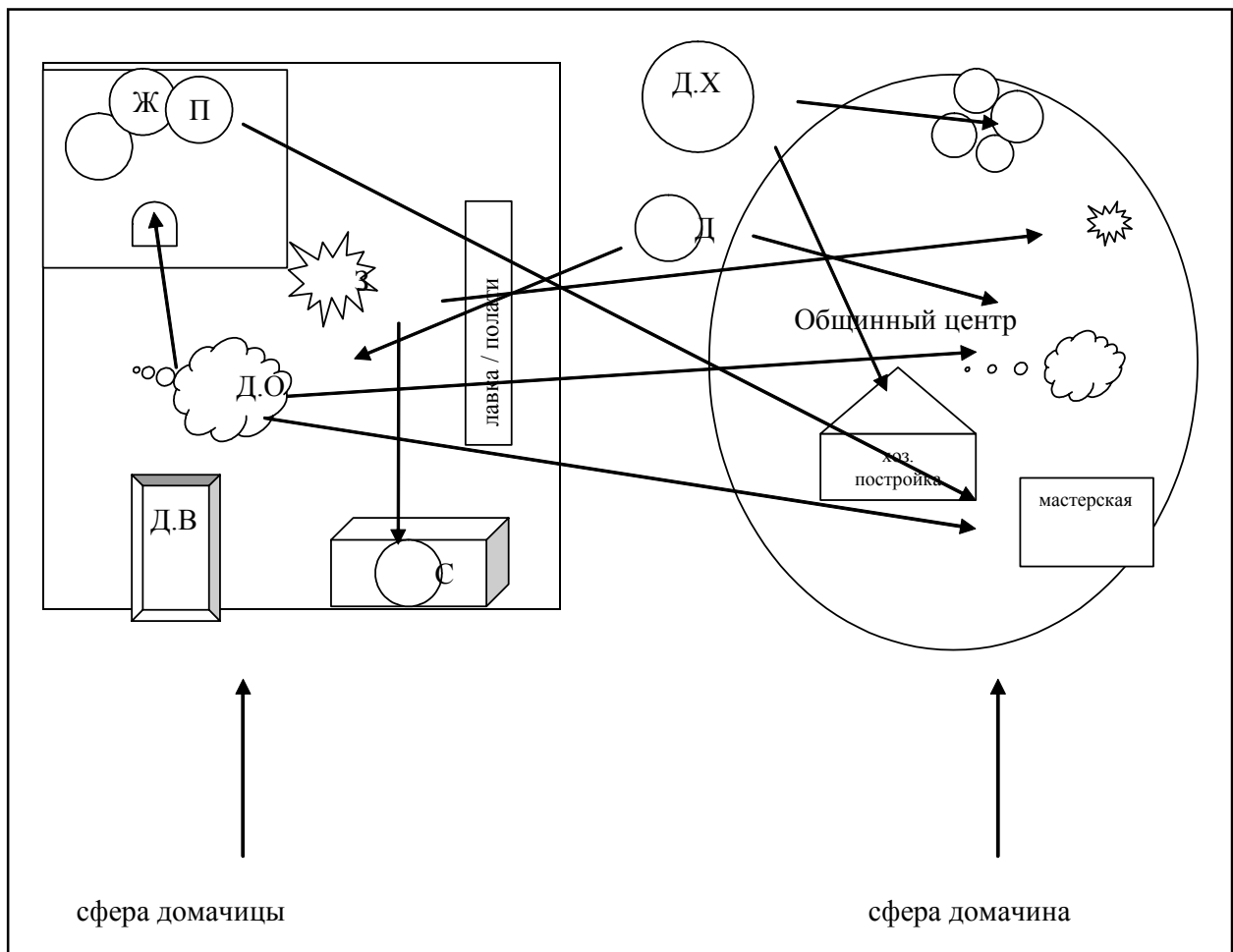

Рис. 2. «Нечистые» обитатели раннего комплекса (большесемейная община).

Буквы, обведенные в круг, - названия духов. С - скрынная бабушка, Д - домовой, К - кикимора, ПП - подпорожник, Х - хлевный, Г - гуменник, О - овинник, А - амбарник, Б - банник, Д.О - дух огня, Д.Х - дед хранилец, З - зольный дед, П - печник, Д.В - дух входа, Ж - жареница, К - кутный дед. Стрелки - места, где могут «обитать» данные духи.

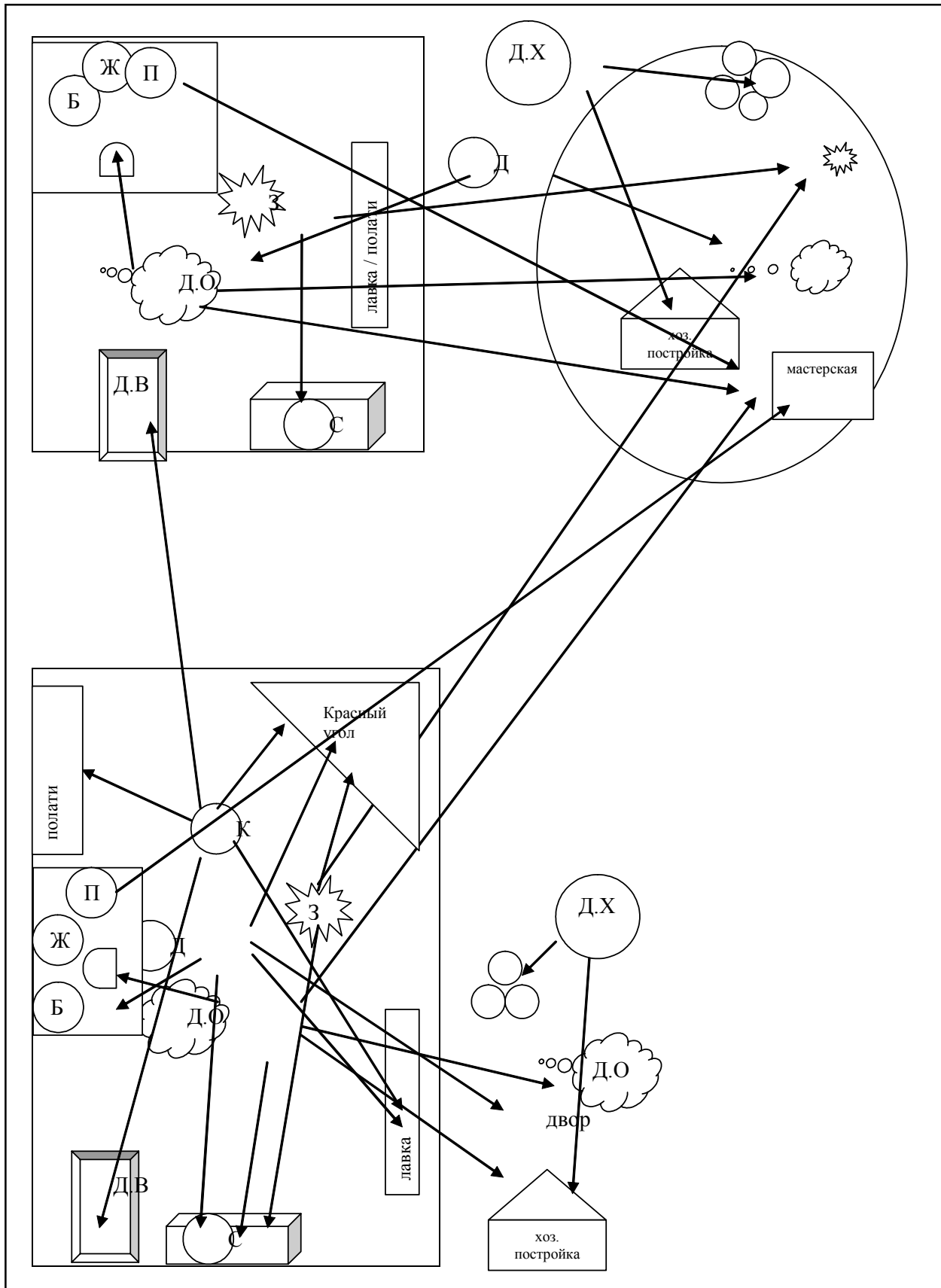

Рис. 3. «Нечистые» обитатели позднего комплекса (малая семья).
 Буквы, обведенные в круг, - названия духов. С - скринная бабушка, Д - домовый, К - кикимора, ПП - подпорожник, Х - хлевный, Г - гуменник, О - овинник, А - амбарник, Б - банник, Д.О - дух огня, Д.Х - дед хранилец, З - зольный дед, П - печник, Д.В - дух входа, Ж - жареница, К - кутный дед. Стрелки - места, где могут «обитать» данные духи.

Литература

- Байбурин А.К. 1983. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.
- Богомазова Т.Г. 1999. Украинская скриня как предмет женской субкультуры // *Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России*. М.
- Зеленин Д.К. 1991. Этнография восточных славян. М.
- Мазалова Н.Е. 1999. Человек и дом: тождество русских представлений // *Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России*. М.
- Рабинович М.Г. 1975. Русское жилище в XIII — XVII вв. // *Древнее жилище народов восточной Европы*. М.
- Рафалович И.А. 1972. Славяне VI — IX веков в Молдавии. Кишинев.
- Седов В.В. 1982. Восточные славяне VI — XIII вв. Археология СССР. М.
- Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. 1990. Киев.
- Социально-экономическая и соционормативная культура. 1986. М.
- Тельнов Н.П. 2003. Восточнославянские древности Днестровско-Прутского междуречья VIII — X вв. // *Stratum plus*. № 5 (2001-2002).
- Тимошук Б.А. 1983. Общинный строй восточных славян VI — X вв. М.
- Ушаков Н.В. 1999. Мужские и женские образы русской демонологии, связанные со сферой дом // *Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России*. М.
- Щепанская Т.Б. 1999. Пронимальная символика // *Женщина и вещественный мир культуры у народов Европы и России*. М.
- Этнография. 1982. М.